

Декорации начали искажаться, становились призрачными, и постепенно исчезли.

После того, как Клейн проснулся, его глаза сразу же адаптировались к темноте в комнате.

Он знал, что с одним фунтом и десятью сулами, что составляет тридцать сул в неделю, Бенсону было нелегко содержать семью на должном уровне.

Клейн думал, что большинство рабочих зарабатывают по двадцать сул в неделю.

Однажды он слышал, как Мелисса говорила, что в Нижней части улицы Железного креста в одну комнату втискивалось пять, семь или даже десять семей.

Клейн также знал от Бенсона, что, из-за сложившейся на Южном континенте ситуации, в последние несколько месяцев экономика королевства переживала спад.

Он знал, что горничная с предоставлением питания и жилья может зарабатывать от трех сул и шести пенсов до шести сул в неделю.

Клейн протянул руку и постучал себя по глабелле. После этого он погрузился в длительное молчание, пока сэр Дьюэвилл не спросил: «Офицер, Вы не собираетесь ничего говорить? Психологи, к которым я ходил, всегда общались со мной и задавали вопросы».

«Однако я должен сказать, что чувствую себя спокойней. Я почти уснул. Я еще не слышал ни стонов, ни криков».

«Как Вы это сделали?»

Клейн откинулся на спинку кресла-качалки. Но вместо ответа мягко спросил: «Сэр, знаете ли Вы об отравлении свинцом? Знаете ли, насколько опасен этот металл?»

Дьюэвилл на несколько секунд замолк: «Я не знал об этом в прошлом, но теперь знаю. Вы хотите сказать, что болезнь проистекает из моей же вины – моей вины по отношению к работницам свинцового и фарфорового заводов?»

Не дожидаясь ответа, он продолжил, как и всегда, - действуя с позиции силы во время переговоров.

«Да, я чувствовал вину за это, но я все компенсировал. На моих свинцовых и фарфоровых фабриках рабочие зарабатывают не меньше, чем другие работники в той же отрасли. На свинцовых и фарфоровых заводах Бэклэнда платят не более восьми сул в неделю, а я плачу десять, иногда даже больше».

«Хех, многие критикуют меня за то, что я так поднял зарплаты, потому что им трудно набирать рабочих. Если бы не отмена Закона о зерне, который сделал многих фермеров банкротами, отправив их в города, конкурентам пришлось бы повысить и свою заработную плату, так же, как это сделал я».

«Кроме того, я проинформировал руководителей заводов, чтобы работники, у кого непрекращающиеся головные боли и слабое зрение, покидали места, где подверглись воздействию свинца. А если заболевание действительно серьезно, они могут просить о помощи в моем благотворительном фонде».

«Я думаю, что сделал достаточно».

Клейн без волнения в голосе проговорил: «Сэр, боюсь, вы не можете себе и представить, насколько важна зарплата для бедного человека. Простая потеря работы на неделю или две способна привести к серьезным проблемам для их семьи, проблемам, которые могут вызвать огромное горе»

Он сделал паузу, прежде чем продолжить: «Мне любопытно, почему такой добрый человек, как Вы, не установит оборудование, которое может защитить работников от пыли и отравления свинцом на Ваших заводах?»

Дьюэвилл посмотрел на потолок и печально рассмеялся.

«Это сделало бы мои расходы слишком высокими. Я больше не смог бы конкурировать с другими свинцовыми и фарфоровыми компаниями. Сейчас я не уделяю слишком много внимания прибыли в этих областях своего бизнеса. На самом деле, я даже готов раскошелиться на некоторые улучшения. Но какой смысл сохранять бизнес, если постоянно принимать подобные меры? Это поможет лишь некоторым работникам. Такая практика не станет стандартом для отрасли и не вызовет изменений на других фабриках».

«Это просто приведет к тому, что я потрачу деньги на поддержку рабочих. Я слышал, что некоторые фабрики даже тайно нанимают рабов, чтобы минимизировать расходы».

Клейн скрестил руки и после минутного молчания сказал: «Сэр, корень болезни кроется в нарастании чувства вины, хоть Вы и верите, что та со временем исчезла. Это не вызвало бы ощутимого эффекта в нормальных обстоятельствах, но было что-то, что спровоцировало Вас и навалило все проблемы сразу».

«Что-то, что спровоцировало меня? Я ничего такого не помню», - озадаченно, но без особой уверенности сказал сэр Дьюэвилл.

Клейн позволил креслу покачиваться, и мягким тоном начал объяснять: «Вы только что заснули на несколько минут и кое-что мне рассказали».

«Гипноз?» - в своей обычной манере предположил сэр Дьюэвилл.

Клейн не дал прямого ответа и вместо этого сказал: «Однажды, когда ехали в карете, Вы увидели, как девушка умирает по дороге на работу. Она умерла от отравления свинцом. Это была одна из Ваших работниц, которая глазировала фарфор, когда была еще жива».

Дьюэвилл, потеряв дар речи, массировал виски. После этого несколько неуверенно проговорил: «Думаю, это действительно произошло... но я не могу вспомнить точнее...»

Длительная бессонница оставила его в плохом психическом состоянии. Он только вспомнил, что на самом деле видел такую сцену.

Он на мгновение задумался, но решил не перегружать свой мозг. А вместо этого сэр Дьюэвилл спросил: «Как звали эту работницу?»

«Ну, я имею в виду, что я должен сделать, чтобы вылечить мою болезнь?»

Клейн сразу ответил: «Две вещи».

«Во-первых, работницу, которая умерла на обочине дороги, звали Хейли Уокер. Это то, что Вы мне сказали. Она была самым главным спусковым крючком, поэтому Вы должны найти ее родителей и дать им большую компенсацию».

«Во-вторых, распространяйте информацию об опасности свинца в газетах и журналах. Позвольте Вашему благотворительному фонду помочь большему числу пострадавших работников. А если удастся стать членом парламента, добивайтесь принятия законов в этой области».

Сэр Дьюэвилл медленно сел и самоуничижительно рассмеялся.

«Я сделаю все остальное, но принять закон, хе-хе - я думаю, что это невозможно, поскольку все еще существует конкуренция со стороны других стран. Подобный закон просто приведет к кризису всей отрасли у нас в стране. Фабрики одна за другой обанкротятся, и многие рабочие потеряют работу. Организации, которые помогают бедным, не могут спасти столько людей».

Он медленно встал с кровати и поправил воротник. Затем посмотрел на Клейна: «Хейли Уокер, верно? Я немедленно заставлю Каллена получить информацию о ней от фарфоровой компании и найти ее родителей. Офицер, пожалуйста, подождите со мной и постоянно оценивайте мое психическое состояние».

«Хорошо», - Клейн медленно встал и поправил свою черно-белую клетчатую полицейскую форму.

...

В одиннадцать часов утра в гостиной сэра Дьюэвилла.

Клейн тихо сидел на диване, глядя на мужчину и женщину, которых завел в дом дворецкий Каллен.

У них была испорченная кожа и глубокие морщины. У мужчины небольшой горб, а у женщины под веком родинка.

Они выглядели почти идентично тому, что видел Клейн, только старше и более изможденными. Они были очень худыми, лишь кожа да кости. Их одежда была старой и рваной. Клейн понял, что они даже не могут жить на Нижней части улицы Железного креста.

Клейн почувствовал, как по его духовному восприятию прошёлся ледяной ветер.

Он постучал себя по глабелле и бросил взгляд на сэра Дьюэвилла. Неизвестно когда, но позади него появилась белая, полупрозрачная и искаженная фигура.

«Доброе утро, уважаемый сэр», - родители Хейли были необычайно вежливы.

Дьюэвилл потер лоб и спросил: «Вы оба - родители Хейли Уокер? У нее также есть брат и двухлетняя сестра?»

Мать Хейли в страхе ответила: «Ее брат сломал ногу в гавани некоторое время назад. Мы оставили его дома, чтобы позаботиться о сестре».

Дьюэвилл помолчал несколько секунд, прежде чем вздохнуть.

«Примите мои глубокие соболезнования в связи с тем, что случилось с Хейли».

После этих слов, глаза родителей Хейли тут же покраснели. И они одновременно сказали: «Спасибо, спасибо за вашу доброту»

«Полиция сказала нам - сказала нам, что Хейли умерла от отравления свинцом. Это так называется, верно? О, мой бедный ребенок, ей было всего семнадцать. Она всегда была такой тихой, но такой решительной».

«Вы послали кого-то навестить ее и оплатили похороны. Она похоронена на кладбище Рафаэля».

Дьюэвилл взглянул на Клейна и уселся поудобнее. Он наклонился вперед и серьезным тоном сказал: «На самом деле это наш недосмотр. И я должен перед вами извиниться».

«Я считаю, что должен компенсировать вам утрату Хейли. Её еженедельная зарплата составляла десять сул, не так ли? За год это будет пятьсот двадцать сул или двадцать шесть фунтов. Давайте предположим, что она могла бы работать еще десять лет».

«Каллен, дай родителям Хейли триста фунтов».

«Три-триста фунтов?» - родители Хейли были просто ошеломлены.

У них никогда не было более одного фунта сбережений, даже в лучшие времена!

Ошеломлены были не только они. У телохранителей и слуг на лицах появилось выражение шока и зависти. Даже сержант Гейт не смог удержаться и глубоко вздохнул - недельная зарплата составляла всего два фунта, а среди его подчиненных только констебль с шевроном зарабатывал один фунт в неделю.

В повисшей тишине дворецкий Каллен вышел из кабинета и вернулся с толстым мешочком.

Он открыл горловину и показал пачки наличных, по одному, по пять фунтов, но в основном там были купюры по одному или пять сул.

Было ясно, что сэр Дьюэвилл заставил подчиненных «разменять» купюры в банке.

«Это выражение доброй воли сэра Дьюэвилла», - получив подтверждение от своего хозяина, Каллен передал мешок родителям Хейли.

Родители Хейли взяли мешок и с недоверием протерли глаза.

«Нет, это... это слишком щедро, мы не можем это принять», - сказали они, крепко сжимая мешок.

На что сэр Дьюэвилл сказал глубоким голосом: «Хейли это заслужила».

«Вы действительно благородный, милосердный рыцарь!» - родители Хейли несколько раз поклонились.

У них на лицах были улыбки, которые они не могли подавить.

Они восхваляли рыцаря, повторяя одни и те же прилагательные. Они продолжали настаивать

на том, что Хейли будет благодарна ему на небесах.

«Каллен, отправь их домой. О, но сначала отведи в банк», - Дьюэвилл облегченно вздохнул и проинструктировал дворецкого.

Родители Хейли крепко обняли мешок и быстро пошли к двери.

Клейн увидел, что слабая полупрозрачная фигура позади сэра Дьюэвилла протягивала к ним руки, как будто надеясь уйти вместе с ними, но родители просто лучезарно улыбались и даже не обернулись.

Эта фигура стала менее заметной и вскоре совсем исчезла.

Клейн почувствовал, как в зале мгновенно стих ледяной ветер.

От начала и до конца он просто молча сидел, не выражая своего мнения.

«Офицер, я чувствую себя намного лучше. Но теперь Вы можете сказать, почему мой дворецкий, слуги и телохранители тоже слышали крики и стоны? Это ведь было не просто моим расстройством, верно?» - Дьюэвилл посмотрел на него с любопытством.

Инспектор Толле, который знал истину, сразу занервничал.

Клейн ответил без особого беспокойства: «В психологии мы называем это и подобные ему явления массовой истерией».

<http://tl.rulate.ru/book/15294/527726>